

Sedláček J. *Modální perifráze da+indikativ v jižní slovanštině* [Modal Periphrases *da+indicative* in South Slavic Languages]. *Slavia*. 1982. No. 51.

Silić J., Pranjković I. *Gramatika hrvatskoga jezika (za gimnazije i visoka učilišta)* [Grammar of Croatian (for preparatory schools and universities)]. Zagreb. 2005.

Toporišič J. *Nova slovenska skladnja* [New Slovenian Syntax]. Ljubljana, 1982.

Toporišič J. *Slovenska slovnica* [Slovenian Grammar]. Maribor, 2000.

Uhlik M. *O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi* [On *naj* and *pust'* in Slovenian vs. Russian Parallels]. *Slavistična revija* [Slavistic Review]. 2018. 66/4.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д.С. Мухортов

Ключевые слова: языковая личность политика, прагмалингвистика, междисциплинарный подход, количественный и качественный метод анализа, программы контент-анализа.

Keywords: politician's linguistic profile, pragmalinguistics, cross-disciplinary approach, qualitative and quantitative methods of research, content-analysis programs.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-02

Введение

Изучение языковой личности политика остается одной из наиболее популярных тем среди отечественных и зарубежных исследователей. Изучение этого социально-статусного типа языковой личности [Бакумова, 2002; Мухортов, 2014] требует особых методов и способов интерпретации результатов. При этом цели и задачи обозначенных двух групп ученых отличаются.

Российская традиция в основном опирается на подход, который хорошо представлен в трудах Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, В.И. Карасика, И.В. Сентенберг и развит многими учеными, среди которых можно выделить К.Ф. Седова, С.Г. Воркачева, Т.Б. Соколовскую, Д.В. Шапочкина, О.А. Кадилину, О.И. Асташову. Его суть сводится к описанию лексико-семантического и прагмастилистического уровней языка конкретной личности и выделению в них ключевых слов, концептов, идеологем, эвфемизмов или дисфемизмов, тактик и стратегий,

другими словами, он носит дескриптивный характер и характеризуется сильной лингвистической составляющей.

Для иностранных ученых языковая личность политика не столько представляет предмет для описания лингвистических особенностей речи политической личности, сколько является механизмом к пониманию действий этой личности в определенный период времени по отношению к другим социально-значимым языковым личностям или группам граждан. Подход зарубежных коллег является междисциплинарным. Им свойственно использовать ресурсы лингвистики и филологии для реализации амбициозных планов, проведения масштабных экспериментов, результаты которых могут привлечь внимание серьезных государственных структур, организаций и ведомств. Объектом исследования при таком подходе является не просто языковая личность, а политическая фигура, от действий которой могут зависеть судьбы миллионов, и значит, вовремя выявленная закономерность в моделях поведения конкретного человека или отмеченная взаимосвязь между языком и мышлением этой личности могут оказаться действенными в процессе диагностирования ее шагов в политических событиях и предотвращения ошибочных действий.

Некоторые методы исследования языковой личности политика

Продуктивными областями человеческого знания на службе исследователя языковой личности политика могут быть психология и отчасти политология. Доказательством данного тезиса могут быть многочисленные программы контент-анализа, которые разрабатываются с учетом междисциплинарного подхода.

Например, на основе анализа вербальных данных программа *Diction* [Hart, et.al., 2005, цит. по Chung, Pennebaker, 2007] позволяет установить присутствие у говорящего таких качеств, как оптимизм, уверенность в себе, позитивное мышление, умение изъясняться простым языком и другие. Данная программа является инструментом для социолингвистических исследований гендерных, личностных и языковых характеристик человека [Abdel Latiff, 2010]. Закономерно ее использование для анализа речи политиков [Hsu, 2012].

Другие возможности раскрывает перед исследователем программа *Latent Semantic Analysis* (LSA). На базе корпусных массивов текстов с ее помощью выделяются контекстные употребления значений слов [Landauer, et al., 1998], следовательно, она становится подспорьем для когнитивных лингвистов, поскольку наличие контекстных словоупотреблений способствует формированию максимально полной концептосферы конкретной личности. Так, например, преобразование

контекстных значений слов в составные части фреймов и слотов может указывать на векторность в логико-понятийной картине мира политика и, значит, позволяет улавливать идеологические составляющие его риторики. Данная программа активно используется учеными и исследователями для исследования изменений в психике человека [Wolfe, Goldman, 2003], для анализа соблюдения принципов когерентности в тексте [Foltz, et al., 1998] и ряда других задач.

Примером удобной программы для повседневного использования, на наш взгляд, является программа *Linguistic Inquiry and Word Count* или *LIWC*, для краткости, разработанная в техасском университете Джеймсом Пеннебейкером [Chung, Pennebaker, 2007]. Функционирование данной программы основывается на распределении лексических средств по категориям и вычислении процентного соотношения содержания единиц каждой категории в анализируемом тексте.

Дж. Пеннебейкер отмечает, что первоначальной целью создания этого механизма было понимание того, как люди используют речь, когда они описывают эмоциональные потрясения. В 1980-е годы Пеннебейкер и его команда в результате исследований пришли к выводу о том, что, когда люди пишут о своих травмах на протяжении трех-четырёх дней хотя бы по 15-30 минут, состояние их здоровья улучшается [Chung, Pennebaker, 2007]. Таким образом, *LIWC* позволил исследователям определить, какие категории слов соотносятся с изменениями здоровья. После таких результатов ученые стали получать письма и эссе от людей со всего мира. А с развитием интернета текстовый архив стал увеличиваться в геометрической прогрессии [Chung, Pennebaker, 2007].

Одним из исследований, проведенных на основе результатов *LIWC*, стало изучение языковой личности бывшего мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани [Пеннебейкер, 2011]. Поводом к анализу послужила статья в газете *The New York Times*, в которой сообщалось о явных переменах в состоянии личности мэра. Дж. Пеннебейкер, будучи убежденным в том, что личностные характеристики человека подвержены изменениям лишь в самых крайних случаях, стал препарировать ситуацию, отслеживая изменения в состоянии Джулиани. Политик устраивал пресс-конференции, и материал его выступлений стал базисом для убедительных выводов исследователя.

На протяжении восьми лет, в течение которых Джулиани занимал пост мэра Нью-Йорка, его личность крайне противоречиво освещалась средствами массовой информации: подчас одни и те же СМИ говорили о нем то как о «бесчувственном, вспыльчивом и самоуверенном задире», то как о «бездонном источнике сострадания, тепла и обаяния». Но одна

характеристика оставалась неизменной – его всегда признавали очень эффективным мэром.

Благодаря своей успешной деятельности на своем посту Джулиани решился на участие в кампании против Хилари Клинтон за место в сенате. Однако неожиданно, всего за две недели, произошли три неприятных события: у политика была выявлена онкология, он объявил во всеуслышание о разводе, и последнее, он отозвал свою кандидатуру из предвыборной сенатской кампании. После всех этих событий, как отмечали его друзья, недруги и знакомые, он стал более искренним, скромным и чувственным в общении. Эти экстралингвистические данные были сопоставлены с числовыми показателями, полученными при анализе набора текстов программой LIWC. Дж. Пеннебейкер пишет о том, что по сравнению с первыми годами деятельности Джулиани в качестве мэра, когда он был качественно другим человеком, в тот кризисный момент наблюдалось резкое увеличение использования форм личного местоимения *I*, уменьшение – многосложных слов и появление большего количества эмоционально заряженных слов. Из речи практически исчезли формы личного местоимения множественного числа *we*. Эти данные свидетельствуют о том, что человек перестал быть холодным и отстраненным, а, следовательно, изменилась параметрия языковой личности Джулиани.

Весьма примечательной, на наш взгляд, является параллель, проведенная Дж. Пеннебейкером между Джулиани и Королем Лиром. Как мы знаем, в начале пьесы Лир предстает перед нами как самонадеянный и высокомерный правитель, а затем, пройдя множество испытаний, внутренне переродившись, он становится более теплым в общении, более гуманным. Такое изменение состояния личности Лира находит свое подтверждение в кардинальном сдвиге в использовании языковых средств [Pennebaker, 2011]. Ряд аналогий можно было бы продолжить, и в качестве примера предложить Шейлока из «Венецианского кучка». В начале он – неистовый и жаждущий мести, но в конце – побежденный и покорный.

Предвыборные кампании, на наш взгляд, являются яркими иллюстрациями как изменений, которые претерпевает языковая личность политика, так и прагмалингвистических закономерностей, которые этой личности присущи и остаются величиной неизменной при любых обстоятельствах.

Дебаты кандидатов на пост премьер-министра Великобритании в 2010 году – Гордона Брауна, Ника Клегга и Дэвида Кэмерона – доказали это в полной мере. Результаты анализа трех туров [Pennebaker, Persaud, 2010] показали, что, например, Клегг начал благополучно, но кончил плачевно. У него были определенные шансы стать лидером, но, судя по

вербальным маркером, ему не хватило позитивного мышления и оптимизма, и к финалу гонки у него была исчерпана уверенность в своих силах сделать будущее светлым. Браун все время оставался эмоционально отстраненным, местами снобистским, таким, каким его избирателям знал всегда. Определить вербальное поведение Кэмерона было непросто, так непредсказуемо подчас вел себя политик. Однако ему удалось обойти своего главного оппонента – Клегга – по категориям «оптимистичность» и «спонтанность» речи. Главным, на наш взгляд, оказалось то, что в его речи было наименьшее количество слов с отрицательными коннотациями. Он смог перенять стратегию Клегга и сделать ее своим достоянием.

Попутно следует отметить, что, по данным американских ученых, оптимистичность проявляется тогда, когда в речи человека появляется большое количество а) глаголов настоящего и будущего времени, б) форм личного местоимения множественного числа *we*, в) немногосложных слов, г) слов с позитивной коннотацией.

Дж. Пеннебекер справедливо отмечает, что исследовательский интерес к языку и стилю кандидатов составляют не только лексико-семантические и коммуникативные особенности каждого из участников, но и способности каждого из них влиять на точку зрения избирателей и их умение адаптироваться к друг другу (ср. «it's not only the differences between the candidates that lends itself to linguistic and psychological analysis, but also how they adapt to polling reaction and each other» [Pennebaker, Persaud, 2010]).

Самым неожиданным выводом из анализа премьерских дебатов Кэмерона, Клегга и Брауна является то, что британский избиратель в 2010 году отдал предпочтение Кэмерону, у которого были высокие показатели по категории оптимизма, но низкие – по категории честности. Тогда как у Брауна с честностью было лучше всех кандидатов вместе взятых. Как видится, нынешний избиратель предпочитает состояние эйфории неприятным потрясениям, которые вскрывает правда.

Без преувеличения можно сказать, что определение признаков честности или лживости в речи политика должно являться одной из приоритетных задач исследователей.

Небезынтересным является то, как без использования детектора лжи, всего лишь с помощью используемых человеком слов, ученые смогли установить набор лингвистических характеристик этой категории. Так, в 1990-х годах Мелани Гринберг, Артур Стоун и Камилль Вортман проводили исследование с целью определить, может ли здоровье человека улучшиться, если он будет писать не о пережитых им, но о воображаемых травмах. Для проведения научного эксперимента

исследователи привлекли около семидесяти человек, имеющих серьезные травмы в прошлом. Одна половина испытуемых описывала то, что людям пришлось пережить, участники второй группы должны были написать придуманные истории о травмах других людей, причем описать их травматический опыт так, как будто они сами его перенесли. В результате данного эксперимента [цит. по: Pennebaker 2011, pp. 143-144] ученые установили, что придумывать истории так же полезно, как и описывать свой собственный травматический опыт, – это положительно сказывается на здоровье. Джеймс Пеннебейкер, в свою очередь, взглянул на полученные результаты по-другому. Его команда смогла увидеть, чем ложь, или вымысел, отличается от правды, или от реально произошедших событий и по-настоящему испытанных эмоций и чувств.

Как убедительно доказывают ученые, когда человек честен, его речь характеризуется рядом показательных сигналов.

Во-первых, количеством слов, детализацией описываемого события, использованием числовых показателей. Для испытывавшего трудности и потрясения человека не составляет труда описать ситуацию или свои переживания по поводу происшедшего самым подробным образом.

Во-вторых, использование меньшего количества эмоционально нагруженных слов и слов, преимущественно глаголов, указывающих на то, что говорящий размышляет. Человек, перенесший травму, не будет описывать свой опыт в ярких красках и эмоциях – для него это очевидно. Как пишет Дж. Пеннебейкер, он просто скажет: «and I was really sad» («это меня очень сильно расстроило»). Более того, неискренний человек, который придумывает историю, вынужден использовать так называемые когнитивные механизмы, которые предполагают использование таких фраз, как *I think, I realise, that is why, because*.

В-третьих, использование меньшего количества глаголов. Это объясняется тем, что, придумывая историю, человек должен прожить ее на словах, а, следовательно, он вынужден употреблять множество глаголов, чтобы описать ее в развитии.

В-четвертых, минимальное употребление модальных глаголов, обозначающих возможность происхождения факта, или же использование сослагательного наклонения во всех его видах. В первую очередь, речь идет о глаголах *would, should, could, and ought*. Их появление будет наиболее вероятным в процессе описания выдуманной истории.

В-пятых, максимальное использование формы личного местоимения *I*. Люди, пережившие травму, обычно концентрируются на

самих себе, на своих чувствах и эмоциях, на своем внутреннем состоянии.

Маркерами неправды, по мнению Дж. Пеннебейкера [Pennebaker, 2011, pp. 205-207], являются следующие:

- а) активное использование пассивного залога, то есть желание снять с себя или с кого-то ответственность за описываемые события;
- б) желание уйти от прямого ответа на поставленный вопрос;
- в) частотное появление перформативов.

Кроме того, Дж. Пеннебейкер пишет о том, что, когда мы говорим правду, мы стараемся как бы «владеть» (to «own») словами, которые мы произносим, поэтому используем больше местоимений I and my. Когда же мы говорим ложь, то склонны «отдалять» от себя слова и подразумеваемые под ними понятия соответственно.

Например, Билл Клинтон, который утверждал, что у него не было никаких отношений интимного характера «with that woman», оказывается ярким примером того, как человек дистанцирует себя от предмета разговора, тем самым обличая ложь.

Выводы

В заключение следует признать, что программы контент-анализа не являются идеальным средством для проведения всеобъемлющего, многостороннего анализа языковой личности. Для достижения этого важного условия требуется прибегать к рассмотрению целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов, в том числе просодических параметров речи и ситуативно обусловленных особенностей невербального языка. При этом необходимо указать на то, что использование данных, получаемых с помощью программ, подобных LIWC, является большим подспорьем для филологов и лингвистов и становится еще одним доказательством существования серьезных прагмалингвистических оснований для исследования языковой личности политика.

Литература

- Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления. Екатеринбург, 2014.
- Abdel Latiff M. Corpus-based Study of Gender, Identity, and Language Used in Online Social Networking Communities. University Tun Hussien Onn Malasia, 2010.
- Chung C.K., Pennebaker J.W. The Psychological Functions of Function Words. Social Communication. 2007.

Foltz P.W., Kintsch W., Landauer T.K. The Measurement of Textual Coherence with Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*. 1998. No. 25.

Hsu S.P. *Inaugural Speech Made by the President of the United States Focused on Sexuality and Value-oriented Metaphors: Thomas Jefferson to Barack Obama*. Institute of Social Sciences, Ewha Womans University, 2012.

Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*. 1998. No. 25.

Pennebaker J.W. *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us*. New York, 2011.

Pennebaker J.W., Persaud R. The 2010 UK Election: The Second Debate. Is David Cameron This Week's New Heartthrob? (2010). [Электронный ресурс]. URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/23/the-2010-uk-election-the-second-debate>.

Wolfe B.W.M., Goldman R.S. Use of Latent Semantic Analysis for Predicting Psychological Phenomena: Two Issues and Proposed Solutions. *Behaviour Research Methods*. 2003. No. 35.

References

Bakumova E.V. *Rolevaya struktura politicheskogo diskursa* [A Role Structure of Political Discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2002.

Muhorotov D.S. *Ob obshchem i chastnom v ponyatiyah «yazykovaya lichnost'», «rechevoj portret», «idiostil'» i «idiolekt» (na primere verbal'nogo povedeniya sovremennykh politicheskikh deyatelej)* [‘Yazykovaya Lichnost’, ‘Rechevoy Portret’, ‘Idiostil’, ‘Idiolect’: the Notions of Russian Scholars in Contrast. What is Required to Study the Stylistic Behaviour of the Politician?]. *Politicheskaya Kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Communication: Prospects of Development of the Scientific Sphere]. Ekaterinburg, 2014.

Abdel Latiff M. *Corpus-based Study of Gender, Identity, and Language Used in Online Social Networking Communities*. University Tun Hussien Onn Malasia, 2010.

Chung C.K., Pennebaker J.W. The Psychological Functions of Function Words. *Social Communication*, 2007.

Foltz P.W., Kintsch W., Landauer T.K. The Measurement of Textual Coherence with Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 1998. No. 25.

Hsu S.P. *Inaugural speech made by the President of the United States focused on sexuality and value-oriented metaphors: Thomas Jefferson to Barack Obama*. Institute of Social Sciences, Ewha Womans University, 2012.

Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 1998. No. 25.

Pennebaker J.W. *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us*. New York, 2011.

Pennebaker J.W., Persaud R. *The 2010 UK Election: The second debate. Is David Cameron this week's new heartthrob?* (2010). URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/23/the-2010-uk-election-the-second-debate> (accessed 02.07.2017).

Wolfe B.W.M., Goldman R.S. Use of Latent Semantic Analysis for Predicting Psychological Phenomena: Two Issues and Proposed Solutions. *Behaviour Research Methods*, 2003. No. 35.